

— Князь Цзинь зовет тебя к себе? — Пэй Цзинсин не скрывал удивления. — Хуайюй с ним никогда не ладил, с чего бы князю отправлять его за тобой?

— Сам не знаю, — Су Янь и сам недоумевал. — Последние месяцы ко мне обращались только простые люди. С какой стати обо мне вдруг вспомнил князь Цзинь?

— У него скверный нрав, ты правильно сделал, что отказался, — успокоил его Пэй Цзинсин. — Но есть у него одна дурная привычка: он никогда не отступает от своего. Раз уж ты ответил отказом, он непременно попробует снова и наверняка прибегнет к каким-нибудь уловкам. Будь осторожен в эти дни.

Су Янь кивнул и спросил:

— Пэй Хуайюй все еще у него в поместье. Князь ведь не станет вымещать на нем злость из-за меня?

— Не волнуйся, не посмеет, — покачал головой Пэй Цзинсин. — У Хуайюя редкая судьба, император к нему благоволит. Каким бы буйным ни был князь Цзинь, поднять руку на Хуайюя он не решится.

При слове «судьба» Су Янь невольно наострил уши. Впрочем, он не принадлежал к числу тех, кто лезет в чужие дела, а уж совать нос в тайны императорской семьи ему хотелось меньше всего, так что он смолчал.

Заметив его замешательство, Пэй Цзинсин улыбнулся и решил сменить тему:

— Хуайюй как-то раз придумал для князя Цзиня прозвище. Угадаешь какое?

Су Янь задумался на мгновение, но затем покачал головой:

— Какое же?

— Самый большой краб в Сицзине!

Молодой даоси не сразу понял шутку:

— А?

Сдерживая смех, Пэй Цзинсин пояснил:

— Крабы ведь ползают боком, наглые и бесцеремонные. А этот князь вечно прет напролом, не

считаясь ни с кем. Чем не краб?

До Су Яня наконец дошел смысл. Он улыбнулся, а в воображении тут же предстала уморительная картина: огромный краб с лицом князя Цзиня нагло ковыляет по улице Чжуцюзэ, расталкивая прохожих клешнями. Не выдержав, юноша весело расхохотался.

Видя, что от недавней тревоги Су Яня не осталось и следа, Пэй Цзинсин тоже улыбнулся.

Они проговорили еще некоторое время. Су Янь никогда не отличался красноречием, а Пэй Цзинсина окружающие и вовсе считали нелюдимым сухарем, но друг с другом они общались удивительно легко, без неловких пауз.

После того как Пэй Цзинсин уступил в бою даоси Ваню и собственными глазами увидел, как Су Янь едва не расстался с жизнью, к нему наконец пришло осознание. Вечные попытки отгородиться и сбежать от сверхъестественного мира были глупостью. Подобно человеку, прикрывшему глаза ладонью в надежде спрятаться от бури, он лишь обманывал себя. Отворачиваясь, он не избавлялся от угрозы — опасность по-прежнему дышала ему в спину.

В деле о «полуликом призраке» первый старший брат Гао Цзэкай вместе с генералом Шэнем и остальными ворвался в усадьбу Шангуаня, чтобы помешать их с Су Янем расследованию. А вскоре внезапно объявился и сам Государственный наставник, который до этого должен был странствовать по дальним краям. Пэй Цзинсин не верил в подобные совпадения. Дело было не в недоверии к Гао Цзэкаю, просто на фоне вечно плетущего интриги старшего ученика Государственного наставника простодушный Су Янь вызывал куда больше доверия. По крайней мере, этот юноша не преследовал в Сицзине корыстных целей. К тому же ничто так не сближает людей и не рождает искреннее доверие, как вместе пережитая смертельная опасность.

По этой причине Пэй Цзинсину искренне нравилось общество молодого даоси. Он с удовольствием слушал его рассказы о диковинных тварях и бытности отшельников, изредка задавая вопросы.

Су Янь платил уличному послу Пэю взаимностью. Он не забыл, как в схватке с жутким даоси Ванем Пэй Цзинсин, рискуя собой, бросился ему на выручку. Перед спуском с гор наставник строго-настрого наказывал Су Яню быть настороже: дескать, у мирских людей на уме одни интриги, и пусть юноша искусен в экзорцизме, житейского опыта у него маловато — обмануть как нечего делать. Оказавшись в Сицзине один-одинешенек, Су Янь нуждался в надежном плече. Безалаберный и ветреный Пэй Хуайюй на эту роль не подходил, а вот рассудительный, повидавший виды уличный посол Пэй быстро стал для него главным авторитетом и опорой.

Когда в комнату вошел дядя Фу, его взору предстала теплая картина: двое молодых людей увлеченно беседовали.

Старик незаметно смахнул набежавшую слезу. С тех пор как молодой господин вернулся из Западного края, он замкнулся в себе, сделался нелюдимым и вел себя странно, не так, как

обычные люди.

Даже взять хотя бы службу: едва поступив в Гвардию Цзинью, Пэй Цзинсин сам явился к сыцзе, ведавшему распределением патрулей, и вызвался дежурить исключительно по ночам. Командир, разумеется, только обрадовался — мало кто добровольно соглашался на этот каторжный труд. Днем Сицзин бурлил жизнью, но и ночью город не засыпал, вот только бодрствовали в темноте далеко не люди. Столичные сумерки таили в себе множество угроз: происшествия случались редко, но если уж беда приходила, то оборачивалась настоящей катастрофой.

Командир стражи с радостью пошел навстречу добровольцу. С тех пор вот уже более трех лет Пэй Цзинсин нес ночную вахту. Утром он возвращался домой поспать, а после полудня отправлялся в управу разбираться с бумагами и делами — этот распорядок не изменился даже после того, как его назначили уличным послом.

Возможно, виной тому была тяжелая, грозная аура, исходившая от Пэй Цзинсина, а может, нечисть пугало его легендарное Копьё Драконьей головы и Тигриного клыка, омытое кровью якши, но за эти три года злые духи обходили его патрули десятой дорогой. В его руки попадались разве что мелкие воришки, ночные грабители да трое — замышлявшие недоброе чужеземцы-хусцы.

Дядя Фу видел все это и беззвучно сокрушался. Старый слуга отдал этой семье всю жизнь. После кончины генерала Пэй Цзиня именно он поддерживал юного наследника в те горькие, беспросветные дни. В глубине души дядя Фу давно относился к Пэй Цзинсину как к собственному внуку.

Старик не раз порывался поговорить по душам, но молодой господин упорно молчал о событиях четырехлетней давности в Западном крае. По возвращении оттуда личная стража наследного принца фактически прекратила существование, а сам Пэй Цзинсин оборвал все связи с выжившими сослуживцами.

Сколько бы дядя Фу ни взывал к его разуму, молодой господин лишь молча выслушивал, пропуская слова мимо ушей. Со временем старые приятели отделились, и Пэй Цзинсин остался в полном одиночестве.

И вот теперь в доме наконец-то появился гость — молодой, приветливый даоси. Сердце дяди Фу пело от радости. Он то и дело расхваливал хозяина перед Су Янем, велел слугам заново прибрать столовую залу, а сам, забавно переваливаясь с боку на бок, поспешил на кухню приказать повару приготовить праздничный обед. Хлопотал старик так усердно, что напоминал заведенную круглую юлу.

Ни покойный генерал, ни его сын никогда не отличались притязательностью в еде, так что обещанное «обилие блюд» на деле оказалось простой, но сытной домашней кухней.

Когда с трапезой было покончено, дядя Фу самолично разлил чай и с улыбкой обратился к

гостю:

— Надеюсь, скромное угощение пришлось вам по вкусу, даоси Су?

Су Янь с готовностью закивал:

— Изумительно вкусно!

В еде он был совершенно неприхотлив. Наставник в монастыре готовить не любил: пока Су Янь был маленьким, тот еще мог испечь в золе пару бататов, чтобы ребенок не протянул ноги, но стоило мальчику немного подрасти, как старик просто выпихивал его к реке ловить рыбу. А уж после спуска с гор Су Яню и вовсе частенько приходилось ложиться спать на голодный желудок, считая последние медные монеты.

В поместье Пэй угощали на славу — на столе красовались наваристый карась, нежная отварная баранина и ароматная тушеная свиная рулька. Су Янь, который с детства не видел ничего, кроме речной рыбы да жесткой зайчатины, едва сдерживал восторг.

Дядя Фу так и расплылся в улыбке:

— Вот и славно! Заходите к нам почаще, даоси Су. Наш молодой господин только с виду такой суровый, а душа у него добрая. Вы уж не судите по его грозному виду.

— Дядя Фу... — Пэй Цзинсин со вздохом покачал головой. Он понимал заботу старика, да и возразить не смел — после смерти отца именно верный слуга взвалил на себя все заботы по поместью, пока сам наследник предавался унынию и службе.

Дядя Фу виновато прикрыл рот ладонью и закивал:

— Все, молчу, молчу. И слова больше не скажу.

Вскоре слуги убрали посуду. Пэй Цзинсину пора было отправляться в управу на развод караула.

Перед уходом он, все еще тревожась о кузене, дал наказ управляющему:

— Дядя Фу, отправьте кого-нибудь в резиденцию принцессы Минлан. Узнайте, вернулся ли Хуайюй.

Су Янь вызвался сам:

— Давайте я схожу.

Пэй Цзинсин обернулся и мягко остановил его:

— Князь Цзинь так просто не отстанет. Тебе сейчас лучше держаться как можно дальше от членов императорской семьи.

Об этой опасности Су Янь как-то не подумал. Прислушавшись к совету друга, он спорить не стал.

Каково же было их удивление, когда посланный слуга вернулся с неожиданной вестью. Пэй Хуайюй уже передал весточку в резиденцию принцессы: в поместье князя Цзиня обнаружилось множество шедевров живописи, и он намерен остаться там на ночь, дабы предаться созерцанию великих полотен в компании хозяина.

— Да какие из них ценители искусства? — Пэй Цзинсин в раздражении нахмурился, безжалостно выдавая истинные таланты кузена. — Оба смыслят в живописи как свиньи в апельсинах, а строят из себя утонченных господ. Принцесса знает об этом?

— Знает, — подтвердил слуга. — Госпожа также велела передать, чтобы вы, молодой господин, поберегли себя и не изнуряли службой. Мол, молодость — не повод плевать на здоровье.

Пэй Цзинсин чувствовал, что дело нечисто.

— Ступай, — велел он слуге. — А я наведаюсь к князю Цзиню.

Он понимал, что князь не посмеет открыто навредить Хуайюю, но дневной разговор с Су Янем не давал ему покоя. Было в поведении этого вельможи нечто зловещее.

Пока на улицах Сицзина не забили в барабаны, возвещая о закрытии ворот и начале комендантского часа, нужно было успеть вытащить легковверного кузена из этого осиногo гнезда.

Столкнувшись с кузеном прямо в чертогах князя Цзиня, Пэй Хуайюй изумленно округлил глаза:

— Брат? Ты как здесь оказался?

Выказав почтение хозяину дома, Пэй Цзинсин строго посмотрел на родственника:

— Мне сообщили, что ты до сих пор не дома. Скоро начнется комендантский час, ворота

кварталов закроют, и ты не сможешь уйти. Я приехал забрать тебя.

— Да я решил заночевать у князя, — Хуайюй просиял. Редкая забота сурового кузена ему явно льстила. — Его Высочество пообещал показать свои редчайшие сокровища. Хочешь взглянуть вместе с нами?

— Избавь меня от этого, я человек простой, — отрезал Пэй Цзинсин. — Любоваться побрякушками можно в любое время. С чего вдруг тебе оставаться на ночь в чужом доме?

Хуайюй открыл было рот, но его опередил подавший голос князь Цзинь. Вельможа холодно усмехнулся:

— Неужто уличный посол Пэй считает мою обитель опасным местом и боится оставить здесь брата?

— Ваше Высочество преувеличивает, — спокойно отозвался Пэй Цзинсин, ни на секунду не растерявшись. — Просто у меня завтра единственный выходной, и мы с Хуайюем договорились отправиться на Западный рынок посмотреть на танец хусюань. Если он проведет всю ночь за разглядыванием редкостей, завтра его будет не добудиться. Мой следующий выходной будет лишь через десять дней, к тому времени заезжие артисты уже уедут из столицы. А ваши сокровища, Ваше Высочество, никуда не денутся. Один день ничего не решит.

Ошарашенный Хуайюй уставился на кузена, который врал без зазрения совести, и растерянно пробормотал:

— Разве... разве мы собирались? Когда я такое говорил?

— Вот как? Не говорил? — Пэй Цзинсин грозно нахмурился, без зазрения совести используя молодого даоси в качестве щита. — Выходит, сегодня Су Янь нагло мне соврал?

Услышав скрытую угрозу в адрес Су Яня, Хуайюй мгновенно пошел на попятную и замахал руками:

— Ах да! Память совсем дырявая стала. Мы действительно это обсуждали, точно-точно!

Пэй Цзинсин удовлетворенно кивнул, довольный сообразительностью кузена, и сухо улыбнулся:

— Вот и славно. Пока не забили в барабаны, поспешим наружу. Я провожу тебя.

Пэй Хуайюю ничего не оставалось, кроме как виновато поклониться хозяину дома:

— Ваше Высочество, прошу простить великодушно. Я непременно навещу вас в другой день, чтобы насладиться созерцанием ваших сокровищ.

Князь Цзинь долго, не мигая, буравил Пэй Цзинсина тяжелым взглядом. Наконец он хищно и фальшиво улыбнулся:

— Что ж. Пусть будет так.

По дороге Хуайюй косился на хмурое лицо старшего брата и, решив, что тот все еще злится на даоси Су, примирительно заговорил:

— Ну не хмурься так, брат. Завтра утром я сам заеду за тобой, и мы вместе отправимся в Храм Высшего Таинства к Су Яню.

— Да сдался мне твой танец, — Пэй Цзинсин наградил кузена тяжелым взглядом. — И вообще, держись от Су Яня подальше. Не смей втягивать его в свои сомнительные приключения.

— Почему сразу я виноват?! — возмутился Хуайюй, едва не подпрыгнув в седле. — Даоси Су и слова против не сказал, а ты уже на меня нападаешь! Скажи на милость, кто тебе родной брат — я или он?

Пэй Цзинсин покачал головой:

— Если бы ты не был мне братом, стал бы я сегодня рисковать головой и вытаскивать тебя из этой змеиной норы?

Кузен окончательно запутался:

— О чем ты вообще говоришь?

Пэй Цзинсин устало потер виски. Каким же непроходимым глупцом порой бывал его кузен!

— Подумай своей головой: с какой стати князю Цзиню вдруг понадобился Су Янь?

— Разумеется, чтобы заручиться его помощью в каком-то щекотливом деле, — пожал плечами Хуайюй, припоминая дневной разговор. — Князь сам обратился ко мне. Сказал, прослышал, будто в столице объявился молодой даоси с невероятным талантом к тайным заклинаниям. Вот и попросил познакомить их, из чистого любопытства.

Услышав это, Пэй Цзинсин лишь утвердился во мнении, что князь замышляет неладное.

— Государственный наставник для него пустое место? А его первый ученик Гао Цзэкай — тоже? Разве при дворе мало великих мастеров, что князю понадобился безвестный юнец? Да, Гао Цзэкай уступает Су Яню в силе, но Чжоу Юйи оберегает столицу уже не одно десятилетие. Неужели ты думаешь, что избалованный царственный вельможа снизойдет до простого провинциального монаха ради праздного любопытства?

Хуайюй осекся, на его лице отразилось замешательство.

Пэй Цзинсин уже было понадеялся, что тот наконец прозрел, но кузен лишь перевел озадаченный взгляд на него, помялся в седле и нерешительно пробормотал:

— Брат... Су Янь вообще-то тебе жизнь спас. Зачем ты так пренебрежительно зовешь его «маленьким даоси»?

Пэй Цзинсин потерял дар речи. Виски заломило с удвоенной силой.

— Забудь, — выдохнул он сквозь зубы. — Просто пообещай, что ноги твоей больше не будет в поместье князя Цзиня. Ты ведь бредишь мистикой и чародейством? Раз уж тебе опротивела резиденция Государственного наставника, ступай к Су Яню. С него будет больше толку.

— Да с ним же слова не вытянешь! — видя непривычную мягкость старшего брата, Хуайюй мигом осмелел и запричитал: — Прихожу я в Храм Высшего Таинства, а он либо над талисманами чахнет, либо медитирует. Сколько раз умолял взять меня на охоту за демонами — ни в какую!

— Небось засыпал его своими глупыми расспросами? А что касается охоты — посмотри на себя. Ты ведь и мешка риса поднять не сможешь. Мне доносили, что твои хваленые персиковые мечи сиротливо пылятся на полках. На его месте я бы тоже за порог тебя не пустил.

Пэй Цзинсин прекрасно помнил их беседы с Су Янем: юноша вовсе не казался угрюмым. Сравнив характеры этой парочки, он без труда догадался, кто именно превращал их общение в пытку.

Хуайюя едва не разорвало от обиды. И этот человек — его родная кровь! Тот самый, за кем он в детстве бегал хвостиком, с кем лазил по деревьям, плавал в пруду и воровал румяна у принцессы Минлан, чтобы покрасить соседскую болонку! И теперь этот предатель во всем выгораживает постороннего даоси, выставляя собственного брата круглым идиотом.

А ведь в народе болтали, будто уличный посол Пэй на дух не переносит монахов да заклинателей. Хуайюй верил этим слухам, пока лично не увидел, как Пэй Цзинсин беседует с Су Янем — ни тени привычного раздражения, один лишь живой интерес. Правду говорят: у людей глаза на затылке!

Обиженно надувшись, он всю оставшуюся дорогу не проронил ни слова. Лишь у самых ворот поместья Пэй Хуайюй нехотя буркнул что-то невнятное себе под нос, изображая прощание, и скрылся за дверью.

Пэй Цзинсину оставалось лишь тяжело вздохнуть. Глядя на захлопнувшуюся дверь, он негромко произнес вслед упряму:

— И все же подумай хорошенько. Князь Цзинь — птица высокого полета. Если бы у него возникли затруднения, он мог бы щелчком пальцев призвать Государственного наставника или Гао Цзэкай. На худой конец, в одном лишь Храме Высшего Таинства служат десятки искушенных мастеров. Зачем ему понадобился именно Су Янь, безвестный чужак, без году неделя как явившийся в столицу?

Пэй Хуайюй замер на пороге, пораженный этой мыслью. Но когда он обернулся, чтобы расспросить кузена, силуэт Пэй Цзинсина уже растаял в сумерках уходящего дня.

"Неужели... князь Цзинь меня просто использовал?"

<http://bllate.org/book/18419/1820041>